

> МАГИСТРАЛЪ >

РЮ МУРАКАМИ

Дети из камеры
хранения

Москва

УДК 821.521.1
ББК 84(5Япо)6-4
М91

Ryu Murakami

Koin rokkā beibīzu

Copyright © 1987 by Ryu Murakami

Перевод с японского *Александра Кабанова*
и *Екатерины Рябовой*

Художественное оформление *Натальи Портяной*

Мураками, Рю.

М91 Дети из камеры хранения / Рю Мураками; [перевод с японского Е.А. Рябовой, А.М. Кабанова]. — Москва : Эксмо, 2026. — 512 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-225960-9

Проза Рю Мураками мрачная и провокационная. В своих произведениях он вскрывает проблемы современной Японии и показывает ее темные стороны. За свое творчество Рю Мураками получил одну из самых престижных литературных наград в своей стране — Премию Акутагавы.

С 1969 по 1975 год в Японии в камерах хранения было найдено шестьдесят восемь младенцев. Из них выжили только двое — Хаси и Кики. Тридцать часов на пороге смерти навсегда изменили их.

Хаси с маниакальным упорством будет искать звук, который он слышал вместе с Кики в психиатрической больнице. Поиск приведет его к славе поп-идола и... безумию. А Кики будет одержим идеей найти датуру — вещество, с помощью которого он уничтожит Токио и отомстит всем за свое рождение в камере хранения.

УДК 821.521.1
ББК 84(5Япо)6-4

- © Кабанов А.М., перевод на русский язык, наследники, 2026
- © Рябова Е.А., перевод на русский язык, 2026
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-225960-9

Глава 1

Женщина надавила на живот младенца, а затем зажала в зубах его крайнюю плоть. Запах, который исходил от него, напоминал американские ментоловые сигареты, которые она обычно курила, хотя был легче и чуть-чуть отдавал сырой рыбой. Ребенок не заплакал и даже не шевельнулся. Тогда она отлепила тонкую полиэтиленовую пленку, натянутую ему на лицо. На дно коробки из плотного картона она положила вдвое свернутое полотенце, уложила в нее младенца, залепила коробку скотчем и обмотала веревкой. На лицевой и боковой сторонах жирными буквами написала вымышленный адрес и имя. Затем покрасила губы. Натягивая через ноги платье в горошек, она сжала левой рукой набухшую грудь, чтобы сцедить молоко. Белесое молозиво закапало на ковер. Сунув ноги в сандалии, она взяла под мышку коробку, в которой лежал младенец, и вышла на улицу. Ожидая такси, вспомнила про кружевную скатерть, которую вязала крючком, — работы осталось совсем немного. Когда скатерть будет готова, она постелет ее на стол, а сверху поставит горшок с геранью. На улице была страшная жара, стоять на солнцепеке было невозможно, кружилась голова. По радио в такси передавали, что температура воздуха достигла рекордно высокой отметки

и что шестеро человек — старики и пациенты госпиталей — скончались. Добравшись до вокзала, женщина направилась к камерам хранения, запахнула коробку с ребенком в одну из них, а ключ завернула в бумажную салфетку и выбросила. Покинув вокзал, набухший от жары и пыли, она направилась в универмаг и покурила там в туалете. Потом купила чулки, средство для отбеливания, лак для ногтей и выпила апельсинового сока, хотя пить не хотела. Вернувшись в туалет, аккуратно нарисовала ногти.

В тот момент, когда женщина докрашивала большой палец на левой руке, крепко спавший в темной картонной коробке младенец стал покрываться потом. Капли пота появились сначала на лбу, грудке и под мышками, но вскоре заструились по всему тельцу, испаряясь и охлаждая его. Младенец зашевелил пальцами и заплакал. Виной всему была жара. В плотно закупоренной коробке, забитой свернутым полотенцем, было душно и влажно, младенец не мог больше спать. Жара погнала кровь по венам гораздо быстрее, чем прежде, и разбудила его. Он еще раз родился в этой душной, темной и тесной коробке. Это случилось через семьдесят шесть часов после его появления на свет.

Побыв недолго в медчасти полицейского участка, младенец был отправлен в католический сиротский приют, а через месяц получил имя — Сэкигути Кикуюки. Вымышленная фамилия — Сэкигути — была написана на коробке. Имя Кикуюки значилось под номером восемнадцать в списке имен для брошенных детей, рекомендованных муниципальным отделом общественного благосостояния города Йокогама. Сэкигути Кикуюки был обнаружен как раз 18 июня 1972 года.

Сэкигути Кикуюки воспитывался в сиротском приюте возле кладбища, обнесенного железной оградой. Дорожки вокруг дома были усажены вишневыми де-

ревьями. Поэтому приют и назывался Ясли Пресвятой Девы Марии в Вишневой долине. Малышей там было очень много. Вскоре Сэкигути Кикуюки стали звать просто Кику. Маленький Кику учился говорить, слушая молитвы монахинь, повторявшиеся изо дня в день. «Веруй, и Отец Небесный сохранит тебя!» Отец Небесный, о котором говорили монахини, был нарисован на картине, что висела в молельне. Небесный Отец с окладистой бородой стоял на вершине скалы, а рядом с ним — новорожденный ягненок для жертвоприношения. Кику всегда задавал одни и те же вопросы:

— Почему на этой картине нет меня? Почему Отец Небесный иностранец?

Монахини ему отвечали:

— Эту картину нарисовали задолго до того, как ты родился. Отец Небесный дал жизнь не только тебе, но и многим-многим другим. А цвет бороды и глаз не имеет никакого значения.

Самых хорошеньких из воспитанников Яслей Пресвятой Девы Марии в Вишневой долине усыновляли. Когда после окончания воскресной службы малыши резвились на улице, посмотреть на них приходили супружеские пары. Кику забирать никто не хотел, но вовсе не потому, что он был несимпатичным. Самыми популярными здесь были дети, оставшиеся сиротами после автомобильных аварий, а подкидышей не жаловали. Кику уже всю бегал, но его так никто и не усыновил.

В то время Кику еще не знал, что он родился в камере хранения. Первым ему рассказал об этом воспитанник приюта по имени Хаси. Мидзоути Хасиро тоже не хотели усыновлять. Как-то, играя в песочнице, Хаси сказал:

— Кроме нас двоих, никого не осталось, все остальные умерли. Только мы с тобой выжили в камере хранения.

Хаси был щуплым и подслеповатым. Глаза у него постоянно слезились и смотрели куда-то вдаль. Когда он разговаривал с Кику, тому казалось, что он становится прозрачным и Хаси смотрит сквозь него. От Хаси всегда пахло лекарством. В отличие от Кику, который, надрываясь, кричал в темной душной коробке, пока его не обнаружила полиция, Хаси спасся благодаря своей болезни. Мать положила голенького младенца в бумажный пакет и заперла в камере хранения. Хаси был припудрен детской присыпкой, которая вызвала у него аллергию. Младенец кашлял до тех пор, пока кашель не перешел во рвоту. Запах лекарств сквозь щели в камере хранения просочился наружу, и случайно оказавшаяся поблизости собака-ищейка залаяла на камеру. Огромный черный пес.

— Собаки для меня очень важны, я их очень люблю, — говорил Хаси.

Впервые Кику увидел камеру хранения, когда приютских воспитанников повели в парк на окраине города. Камера располагалась перед входом на площадку для катания на роликовых коньках. Какой-то мужчина распахнул маленькую дверцу и сунул в ячейку куртку и рюкзак. Кику сразу же пришло в голову, что эта ячейка непростая. Подойдя поближе, он заглянул внутрь. Там было полным-полно пыли, и Кику испачкал руку.

— Похоже на пчелиные соты, — сказал Хаси. — Помнишь, мы видели по телевизору передачу? Пчелы откладывают в каждую ячейку по яйцу. Мы с тобой, хоть и не пчелы, тоже, наверное, вылупились из яйца. Пчелы откладывают кучу яиц, но выживают немногие.

Кику представил, как Отец Небесный с картины в молельне раскладывает по ячейкам в камере хранения большие скользкие яйца. Нет, видимо, все проис-

ходило совсем по-другому. Яйца, скорее всего, откладывают женщины, а Отец Небесный приносит в жертву вылупившихся из них детей.

— Смотри, смотри! — сказал Хаси.

Женщина с рыжими крашеными волосами и в солнечных очках с ключом в руках искала свою ячейку. Наверное, вот такие женщины — крупные, с широкими бедрами — и откладывают яйца. Сейчас она положит яйцо. Женщина остановилась перед ячейкой и вставила в замочную скважину ключ. Когда она открыла дверцу, наружу из ячейки стали выкатываться и падать на землю какие-то красные шарики. Кику и Хаси вскрикнули. Женщина принялась торопливо ловить красные шарики обеими руками, но те продолжали падать. Один подкатился прямо к ногам Кику и Хаси и оказался не яйцом, а обыкновенным помидором. Кику наступил на него ногой. На ботинок из помидора брызнул сок, но внутри не оказалось ни мальчика, ни девочки.

Если кто-нибудь дразнил или обижал Хаси, Кику всегда его защищал. Хаси был тщедушным ребенком и ни с кем, не считая Кику, не общался. Особенно он боялся мужчин. Кику считал, что в теле Хаси накопилось слишком много слез. Как-то шофер, который привозил в приют хлеб, сказал Хаси:

— Ну, парень, от тебя всегда мазью пахнет! — и легонько хлопнул его по плечу.

Хаси немедленно разрыдался. В таких случаях Кику ничего не говорил, он просто стоял рядом и молчал. Всякий раз, когда Хаси рыдал, дрожал всем телом и просил прощения, хотя никто его не ругал, Кику терпеливо стоял рядом и ждал, пока Хаси успокоится. Даже когда Хаси шел за ним следом в туалет, Кику не запрещал ему этого. Кику также нуждался в Хаси. Их тела неким образом были связаны друг с другом.

Каждый год, когда расцветала сакура, Хаси начинал тяжело хрипеть и задыхаться от кашля. В тот год его астма особенно обострилась. Температура немного поднялась, и Хаси не мог играть на улице вместе с Кикю. Возможно, именно поэтому он становился все более замкнутым. С утра до вечера Хаси играл в домашнее хозяйство. Он расставлял на полу игрушечные пластиковые тарелочки, кастрюльки и сковородки, стиральную машину и холодильник. Расположение этих предметов подчинялось определенному плану и логике. Когда Хаси завершал раскладывать игрушечную посуду и утварь, он никому не позволял что-либо менять. Если кто-нибудь переставлял предметы или случайно ронял их, Хаси приходил в ярость. Ни монахини, ни воспитанники и не подозревали, что Хаси может так сердиться. Ночью он засыпал рядом со своей кухней. Проснувшись утром, первым делом проверял, нет ли каких изменений, и, убедившись, что нет, с довольным лицом разглядывал ее. Потом по его лицу пробегала тень недовольства. Что-то бормоча себе под нос, он вскакивал и рушил свою кухню. Хаси построил уже целый дом, но ни кухня, ни гостиная по-прежнему его не удовлетворяли. Постепенно, используя лоскутки ткани и катушки, пуговицы и гвозди, велосипедные детали и бутылочные осколки, камешки и песок, он расширил свою территорию и построил наконец целый город. Когда одна девочка упала и развалила башню, построенную из катушек, Хаси немедленно подскочил к ней и принялся душить. От чрезмерного возбуждения ночью у него поднялась высокая температура и не прекращался кашель.

Хаси был очень рад, когда на его город приходил посмотреть Кикю.

— Вот здесь — булочная, здесь — бензоколонка, там — кладбище, — рассказывал Хаси.

Кику внимательно слушал его объяснения.

— А где камера хранения? — спросил он как-то.

Хаси показал на задний фонарик велосипеда и сказал:

— Вот она.

С внутренней стороны пластинки была вставлена маленькая электрическая лампочка. Металлическая поверхность начищена до блеска — ни пятнышка ржавчины, а синие и красные проводки аккуратно закручены кольцом. Своим блеском она бросалась в глаза. Когда Хаси показывал свой город, он оживлялся, а Кику в эти минуты одолевало непонятное раздражение. Обычно, когда Хаси начинал дрожать и плакать, Кику испытывал примерно то же, что испытывает пациент, рассматривая рентгеновский снимок своего больного органа. Его собственное беспокойство и страх обретали в поведении Хаси форму. Кику оставалось только одно: ждать, когда его больной орган, рыдающий вместо него, успокоится и заживет. Но все изменилось с тех пор, как Хаси стал спать рядом со своим творением. Хаси переживал и плакал по поводу города совершенно независимо от Кику. Больной орган отделился от тела и обрел самостоятельность, а тело, потерявшее его, вынуждено было искать новый орган.

Однажды монахини повели воспитанников на прививку от полиомиелита. Возвращаясь домой, Кику отстал от группы и заблудился. Его нашли в автобусном парке. Как рассказал водитель автобуса, Кику сел на остановке «Станция Йокогама, Западный выход» и четыре раза проехал по кругу до конечной остановки «Муниципальный яхт-клуб Нэкиси». Когда водитель спросил Кику, куда он едет, тот, ничего не отвечая, молча смотрел в окно. Тогда водитель оставил его в автобусном парке, куда за Кику и приехали монахини.

Это был первый побег. Три дня спустя Кику снова сбежал из приюта: после обеда он сел в такси.

— Синдзюку, — прошептал он, и водитель отвез его на вокзал Синдзюку.

Едва они приехали туда, Кику сказал:

— Сибуя!

Водитель отвез его в полицейский участок на вокзале Сибуя. В следующий раз, когда Кику пытался удрать, забравшись в кузов грузовика, который привозил в приют продукты, его успели поймать. Потом, обманув супружескую пару на кладбище возле приюта, он уехал с ними в Камакуру. С тех пор всякий раз, когда Кику убегал из приюта и его ловили, он говорил, что приехал из Камакуры и заблудился.

За Кику установили строгий надзор, поручив его одной молоденькой монахине. Она никогда не ругала Кику, старалась его понять. Как-то она посадила Кику в машину своего отца и повезла с собой, расспрашивая по дороге:

— Почему ты так любишь кататься? Тебе нравятся машины и автобусы, верно?

Кику ответил:

— Потому что Земля крутится.

«Неужели она и вправду крутится? — думал он. — Кажется, будто стоит неподвижно». На самом деле Земля была тут ни при чем. Кику и сам толком не понимал, почему не мог подолгу оставаться на одном месте. Неприятно было просто стоять на земле и не двигаться. Что ты с этим поделаешь! Ему казалось, будто что-то рядом с ним вращается с безумной скоростью и стремится оторваться от поверхности, сверкая так, что в глазах темнело. Вокруг все взрывалось и вибрировало, земля дрожала. Наконец это что-то взлетало куда-то вверх, и начиналась подготовка к следующему старту. Пахло горячим, раздавались взрывы,

сотрясались земля и воздух. Кику казалось, будто небо опускается на него, а нечто рядом с ним вот-вот взлетит, передавая дрожь в самые недра земли. Кику не мог оставаться неподвижным. Чем ближе подходил момент старта, тем громче становился рев и сильнее вибрация. Соответственно возрастали и его беспокойство и страх. Кику обязан был что-то с этим сделать.

Однажды Кику с другими воспитанниками отвезли в парк. Кику забрался в кабину «американских горок» и ни за что не хотел оттуда вылезать. В отличие от других детей, которые радостно кричали, Кику оставался к происходящему безучастным. Наконец служащий парка велел молоденькой монахине вывести Кику из кабины. Услышав это, мальчик побледнел, покрылся холодным потом и мурашками и изо всех сил вцепился в сиденье. Монахине пришлось отцеплять маленькие пальчики Кику один за другим. Тело Кику одеревенело. В этот момент монахине впервые пришло в голову, что Кику не просто ребенок, которому нравится кататься на машинах и автобусах. Его привязанность явно носила болезненный характер.

Хаси, который раскладывал на полу игрушечную утварь и всякий хлам, давал отпор каждому, кто вторгался на территорию его города, но после того как он, рассвирепев, сломал иголку шприца во время укола, монахини решили отправить его и Кику к психиатру.

Врач, рассматривая фотографии игрушечного города, который Хаси построил на полу, сказал:

— Вам, вероятно, приходилось уже видеть, как сироты, тоскуя по родительскому вниманию, упорно отказываются от контакта с окружающими и замыкаются. Если не считать наследственные психические заболевания, своим расстройством в психике малыши обязаны двум причинам — отношениям с родителями и отношениям с окружением. Как воспитатели, вы,

вероятно, знаете, что все дети в той или иной степени страдают психическими расстройствами. Детская психика, как и весь детский организм, развивается постепенно. Чтобы это развитие проходило должным образом, со стороны окружающих необходимы стимул и поддержка. Но обеспечить этим ребенка в должной мере абсолютно нереально. У возможностей взрослых есть свои пределы, и поэтому дети начинают вести себя неадекватно.

Что касается этих двух малышей, то, к сожалению, трудно сказать, является ли их заболевание ранней стадией детской шизофрении и, если да, чем она вызвана: врожденной патологией, мозговыми нарушениями или наследственной болезнью. Аутизм, в той форме, в какой он наблюдается у обоих, — это случай особенный. Болезнь возникла по причине разлуки с матерью. Обычно в первые полгода жизни ребенок начинает осознавать дистанцию между собой и окружающим миром и теряет ощущение того, что он и материнское тело являются одним целым. В данном случае дети пытаются убежать в иллюзорный мир, в котором воспринимают себя как часть материнского тела. Они не способны общаться с окружающим миром, реагируют на него враждебно, поскольку он разлучает их с матерью, пытаются его разрушить. Всеми силами они цепляются за иллюзорный мир.

Мидзоути Хасиро отказывается общаться с другими детьми, созидавая свой удивительный город. Аутизм бывает двух видов. В первом случае дети ведут пассивную внутреннюю жизнь, во втором — наделены творческим началом и подменяют окружающую реальность иллюзорной. Несомненно, у Мидзоути Хасиро мы наблюдаем второй вариант, на что указывает его произведение, в которое вложена огромная фантазия. Что касается второго мальчика, Сэкигути Кикуюки, то,

несмотря на свой страх перед неподвижностью и стремлением непрерывно передвигаться с места на место, он не испытывает причастности к окружающему миру. Напротив, все глубже и глубже уходит в себя. Его навязчивая идея о том, как что-то рядом с ним с оглушительным ревом отрывается от земли и взлетает, на самом деле свидетельствует о его страхе перед самим собой.

То, что заставляет Мидзоути Хасиро строить город, и то, чего боится Сэкигути Кикуюки, в сущности является одним и тем же. Как вы думаете, чем именно? Я полагаю, их жизненной энергией. После вашего звонка и рассказа об этих мальчиках я навел кое-какие справки о детях, найденных в камерах хранения. С 1969 по 1975 год по всей стране в камерах хранения было найдено шестьдесят восемь младенцев, почти все мертвые. Большинство младенцев были подброшены в камеры хранения уже после смерти, остальные умирали в ячейках, и лишь в редких случаях детей обнаруживали живыми, и они умирали в больнице. Из всех найденных младенцев выжили только двое ваших воспитанников. Конечно, у них не осталось осознанных воспоминаний о происшедшем, но на подсознательном уровне они наверняка запомнили страх от пребывания на протяжении нескольких десятков часов на пороге смерти. Думаю, что воспоминания о сопротивлении, которое оказал их организм, и о победе над смертью сохранились как звено в цепи воспоминаний где-то в нервных клетках. В малышах заложена огромная жизненная энергия, позволившая им выжить, и однако же именно она препятствует нормальному функционированию головного мозга. Эта энергия настолько сильна, что малыши не способны ею управлять. Не знаю, сколько лет им понадобится, чтобы подчинить ее себе.